

НОВОСПАССКИЙ П. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

НОВОСПАССКИЙ Петр Павлович, родился в 1890. В 1913 — окончил духовную семинарию, учился в Саратовском университете. С 1914 — служил священник церкви в Тамбовской губ. 28 сентября 1929 — арестован, 29 сентября приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен на строительство железной дороги в Котлас, затем работал в Северном крае, в Марийской области, Западной Сибири, Темлаге на Беломорканале. 13 сентября 1932 — освобожден из лагеря и выслан на 3 года в Алма-Ату, позднее переведен в Семипалатинск, затем — в поселок Красный Аул на станции Аул Томской железной дороги. В апреле 1935 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<4 апреля 1935>

«Уважаемая Е. П.!

Обращаюсь к Вам с просьбой, прошу запастись терпением и благосклонно выслушать меня. Я узнал о Вашей доброте и решил в тяжелый момент моей жизни обратиться к Вам. Я с семьей нахожусь в безвыходном положении. Начну с того, что я бывший священник Тамбовской губернии. В 1929 году 29 сентября по постановлению тройки ОГПУ мне дано было 5 лет концлагерей. Не за агитацию и не за контрреволюцию, а простой случай погубил меня. Коротко опишу обстоятельства дела. В село наше прибыл уполномоченный — некто т<оварищ> Котов, откуда и кто он, не знаю, но только однажды вызывает меня в с<ель>совет и предлагает отдать сторожку церковную под нар<одный> дом. Половина здания уже была в 1917 году отдана под школу, а вторая — по декрету находилась в пользовании общины верующих. Я не стал протестовать, но только сказал, что пусть решит этот вопрос церковный совет. Он согласился со мной, был созван церк<овный> совет, который решил отклонить это, ввиду того, что церковь отстоит от села на расстоянии одной версты, и около нее нет жилого дома, где могли бы помещаться сторожа, обогреваться молящиеся, могильщики из дальних деревень и т<ому> п<одобное>, и что под нар<одный> дом можно найти помещение на селе. Это было 27 сентября, а 28-го вечером я получил бумажку за подписью комсомольца т<оварища> Богданова, немедленно явиться мне в сторожку для сдачи последней; в противном случае я отдан буду под суд. Тотчас я и псаломщик пошли к церкви, но там никого не нашли. Мы не успокоились и решили пойти в с<ель>совет объясниться. Я боялся, что может случиться такая история: на завтра 29-го сент<ября> праздник, — придут утром — во время службы отбирать сторожку, ну, разумеется, как и бывало по местам, верующие-фанатики могут натворить всяких глупостей, а в ответе, конечно, буду я. Вот и пошли мы в с<ель>сов<ет> к Богданову. Там сказали, что он ушел к своему товарищу Эктову — тоже комсомольцу — и мы пошли туда же.

Надо правду сказать – я жил со всеми мирно, а с этими ребятами, как своими учениками, я особенно хорошо жил.

Подойдя к избушке, мы вызвали Эктова. На наше несчастье, как оказалось, там шла попойка. Кто был там — до сих пор не знаю, мы с псаломщиком даже и в сени не заходили. Вдруг выскакивает вдребезги пьяный т<оварищ> Эктов, как будто и ждал он нас и был настроен против нас, а может быть, просто не сознавая ничего, даже с ружьем в руках (?!). Стал ругать нас ни за что, и даже ударил меня прикладом. Ну, что же делать? Видим, что человек — в состоянии невменяемости — поскорей ушли домой. Вот все, что произошло. Казалось бы, пустяк, на самом же деле, что потом произошло? Оказывается, поздно вечером — тоже пьяный шурин Эктова верхом съездил в соседнее село за 5 верст и заявил милиции, что будто бы ночью поп и псаломщик ворвались в дом Эктова и

начали избивать его. Да кто же поверит, что можно ворваться в компанию пьяных и начать бить кого-либо? Я думаю, что от нас и кусочка не осталось бы, если на время согласиться, что это было так. К тому же я считал за преступление — нечаянно задавить пчелку, никогда не трогал животных, а людей бить — даже и мысль об этом никогда не приходила. Да я, если бы знали, не по призванию и против убеждения занял эту профессию в 1914 г<оду>. Лишь только потому, что не желал принимать участие в империалистической войне и убивать людей. В милиции как раз случился следователь — проездом, — женщина. Утром завернула к нам. Нас с псаломщиком вызвала в с<ель>сов<ет>, допросила и предъявила нам обвинение: покушение на избиение комсомольца т<оварища> Эктова. С исполнителем нас направили в район, потом в город, в тюрьму. Просидели 4 месяца, а потом по постановлению тройки ОГПУ нам дали по 5 лет концлагерей. Сразу же дом мой, сарай, корову, 3-х овец, 5 ульев с пчелой и все имущество разобрали по себе, а жена моя с 3-мя ребятишками осталась без всяких средств к существованию. Все это кануло в вечность, ничего не жаль, и не обижаюсь на Эктова, к тому же он впоследствии раскаялся и публично заявил, что хотел поугаать только и не думал, что там случится.

Вначале я попал в г<ород> Котлас — ст<анция> Пинюг, на постройку продолжения великого Северного пути от Соль-Вычегодска до Усть-Сысольска. В Котласе начальник объявил всем, что <в> концлагерях срок и статья не имеют значения, и прошлое не причем, и что только честный труд — есть верный путь к досрочному освобождению. Я поверил и с первой же минуты стал добросовестно трудиться и впоследствии понял и теперь ценю плодотворность исправительно-трудовой политики Советской Власти. Скажу по правде, там, в концлагерях, такого энтузиазма в работе здесь на воле я еще не видал. Были там, конечно и пессимисты, нытики и шептуны, но я не верил им, стиснув, упорно и настойчиво стремился к заветной цели — смыть с себя пятно позорной профессии, получить освобождение и влиться в трудовую семью социалистического общества.

За 4 года я пережил сотни этапов, холод, голод, порой и непосильный труд, но никогда не роптал и скажу — много полезного я приобрел для себя. Был на далеком Севере, в Марийской области, Западной Сибири, темниковских лагерях и, наконец, попал на Славный Белморстрой. От начала и до конца работал там по-ударному. Приезд т<оварища> Сольца и его письмо к нам, каналоармейцам, особенно меня воодушевили. Я особенно стал стараться, мы даже полюбили наш канал-гигант. Я работал в 4-м Надвоицком отделении, а потом наш коллектив "Красный Передовик" был брошен на прорыв, на последний 19-й шлюз, — на берег Белого моря. Наконец, наступила счастливая минута — наш Красавец-Гигант-Канал имени тов<арища> Сталина Готов! Подарок стране и партии, вклад в 1-ю пятилетку! Канал принят Комиссией и отдан в эксплуатацию, а мы, ударники, с музыкой, в открытых вагонах, украшенных лозунгами и знаменами, завоеванными нами на фронте труда, окруженные лаской и заботой в дороге, — отправились на новое строительство Москва-Волга-Строй. Перед отправлением нам объявили, что обещанные льготы ударникам придут вслед за нами в Москву. Я прибыл в Москву, Покровско-Глебово, 3-й лагпункт, III отделения Дмитлага ОГПУ 9-й роты, в коллектив имени "Чапаева", но больным, так как за день до отъезда с Канала я бурил остаток скалы, и вот произошел несчастный случай: один нацмен, по неопытности, ударил в неразорвавшуюся бурлу, где остался капсюль, произошел взрыв — 2-х убило, 3-х ранило, а мне раздробило указат<ельный> палец правой руки. В Авиодиспансере сделали мне операцию, но все же палец долго болел, нет первой фаланги, и не сгибается, и чувствуется боль при работе; так как сухожилие наружи.

Обещание исполнилось: в дмитровские лагеря стали поступать льготы ударникам Белморстроя. В экстренном бюллетене "Перековка" за № 2 от 11 сентября был напечатан список ударников, подлежащих освобождению в сентябре м<еся>це. Спустя 2 дня пришел документ и о моем досрочном освобождении за ударную мою работу на Белморстрое — все товарищи поздравляют меня, а у меня — слезы радости!.. 4 года непрерывного труда не пропали даром, я получил почетное звание ударника Белморстроя, имею право на значок Б.М.С. и книжку ударника, я, наконец, увижусь с семьей и стану членом трудовой семьи Союза. Иду в канцелярию и получаю документ, где напечатано: за ударную и героическую работу на Белморстрое я досрочно освобождаюсь с правом свободного проживания по всему Союзу, а внизу чернилами канцелярист приписал: имеется вольная высылка на 3 г<ода> в пределах Казахстана. Как гром поразила меня эта весть! Канцелярист долго со мной не стал разговаривать, а предложил мне литеру ехать в г<ород> Алма-Ата. За что высылка? Административным взысканиям никогда не подвергался. Неужели за то, что я когда-то был попом? Я не успел даже обжаловать и справиться — уехал в Алма-Ата. Там в полпредстве, увидев этот документ, удивились, как я попал сюда, дали совет — подать заявление...

С семьей не виделся 4½ года и 8 месяцев не получал писем. Наконец, узнаю, что семья моя голодует: тесть и теща умерли, и жена с детьми обречена на гибель. Пишу, чтобы ехала ко мне. Собрала она оставшиеся пожитки и кое-как добралась до меня, но опять беда — на станции Кипель злые люди забрали весь ее багаж, и мы остались не причем. Начались новые мытарства: перебрасывают в г<ород> Семипалатинск, еду с семьей, пробыл там до августа 1934 г<ода>, снова перебрасывают в поселок "Красный Аул". Место глухое, малярийное, работы нет. Устроились было, жена учительницей в н<ачальной> с<ельской> школе, а я счетоводом и секретарем, но не проработали и м<еся>ца. Зав<едующий> рай<онного> о<тдела> н<ародного> о<бразования> т<оварищ> Дюсеембаев снял нас, как чуждые элементы — ссыльные. Мы снова без хлеба, все разуты и раздеты, жена заболела малярией в острой форме, и дети болеют. Один сын 8 лет умер, ужас и кошмар! Как выйти из безвыходного положения? Люди черствы, каждому самому до себя. Была возможность поступить почтальоном-разносчиком за 15 р<ублей> в м<еся>ц, но опять не принимают — "ссылный". Неужели проклятая печать Каина будет лежать на мне всю жизнь и на моем поколении? Жаль невинных детей!

Вот уже 6 лет прошло, как я не имею никакого отношения к прежней моей преступной профессии, и не думаю возвращаться к ней.

Я сын бедного сельского дьячка, а дед был крестьянин Тамбовской губернии. Родился в 1890 году. Рос в бедности. Я и пять сестер кое-как получили образование — средств не было, приходилось за пятерку верст за 5 ходить репетировать учеников. В юности имел благие порывы — тоже принимал участие в выпуске нашего подпольного журнала "Факел". По окончании Семинарии в 1913 году поступил в Саратовский Университет, теперь имени Шанявского (?), на медицинский факультет, но война 1914 года заставила меня против желания уйти в попы. В гражданскую войну едва спасся от бандитов — хотели убить, но побили только нагайками за то, что я в день рождения Советской Власти отслужил молебен и допустил внести в церковь революционные знамена, и за то, что у меня всегда останавливался штаб Красной Армии, особенно придирались ко мне и за то, что я торжественно похоронил 2-х бедных мальчиков, комсомольцев, убитых бандитами, — моих учеников. Спасло меня, я думаю, только то, что крестьяне относились ко мне очень хорошо. Ведь 20 лет почти я жил в одном приходе.

В 1921 году я овдовел и вторично женился. Попы тихоновского лагеря подняли против меня травлю за это, называя меня "красным попом" и

коммунистом <...> Прошу извинить меня, что утомил Вас своим письмом. Моральные мои переживания велики, и в материальном отношении я с семьей — на пороге голодной смерти...

Найдете нужным ответить мне, то пишите по адресу: Ст<анция> Аул, Томской ж<елезной> д<ороги>, поселок "Красный Аул", Ленинградская, 44. Петру Павловичу Новоспасскому.

Я буду ждать с нетерпением ответа!

П. Новоспасский.

4 апреля 1935 г<ода>.

P. S. Простите, что не знаю полностью Вашего имени и отчества и что не имею возможности сейчас послать марок на ответ»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1313. С. 85-91. Автограф.